

ОБРЕТЁМ СЕБЯ В ХРАМЕ,
ВОЗРОДИМ ПРАВОСЛАВИЕ
И СВЯТУЮ РУСЬ

*...Надо, прежде всего, вернуть народу его историческую память.
На этом пути не обойтись без Православной Церкви,
древнейшего хранилища живой веры и нравственной чистоты.
Однако сегодня людям вновь пытаются навязать мировоззрение,
в котором нет места святыням. Сердце человека – престол Божий –
пытаются занять уродливые безблагодатные идолы материального преуспевания:
Успех, Богатство, Комфорт, Слава.
Оттого и свирепствует в обществе разгул разрушительных страстей –
злости и похоти, властолюбия и тщеславия, лжи и лицемерия.*

*Митрополит ИОАНН (Снычев)
из книги «РУССКИЙ УЗЕЛ» (2004)*

I

Сразу за городской чертой зеленел и переливался в лучах солнца весенний простор. Он как бы заново ожил после долгой, уже поднадоевшей всем зимы. И душа, сообразуясь с ликующим пронувшимся простором, желала новизны, свежести, чего-то необычного, какой-то тайны.

Но где же её добыть, эту тайну?

Всё вокруг было знакомо, привычно, буднично.

Взгляду открывалась полевая даль, уходящая на горизонте в лесной окоём, шумная автострада, разрезающая весеннюю даль, а по обеим сторонам – холмы и косогоры.

И вдруг в глаза бросилось что-то новенькое.

На обочине гудящего шоссе, на высокой бровке, стоял и как бы возносился в небо большой деревянный крест.

Крест!

Раньше его здесь не было.

Первое, что промелькнуло в мыслях, наверное, какая-то авария большая случилась здесь. Может, погибли не один человек и не два, а много, и вот в память о них установили большой крест, чтобы «на всех хватило».

Мысль-то возникла вовсе не случайно!

В последние десятилетия в современной России, чего в прежние времена не бывало, пошла мода – сооружать на обочинах дорог кресты, увитые венками и лентами, отмечая тем самым трагический уход в мир иной родственников, друзей, знакомых.

По этому поводу я даже написал стихи:

От версты до версты –
Всё венки да кресты,
По стране,
Как по кладбищу, еду.
Ты погиб здесь!
Но кто это – ты?
Безымянны кресты –
Вижу смерти
Победу!

Всё же только что увиденный Крест мало был похож на обычный крест могильный; он отличался от того, конечно, большим размером.

Хотя, когда я приехал в деревню, знакомый сосед не преминул спросить:

– Не знаешь, что там случилось?

– Где? – не понял я.

– У дороги, при выезде из города, – пояснил он. – Там крест большой поставили! Или нашли какое-то древнее захоронение?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Не слышал ничего про аварию или про захоронение.

– Это-то и удивительно! – вздохнул сосед. – Непонятно, откуда он там взялся. Я вчера, когда ехал в деревню, притормозил, вышел из машины и поднялся на бровку посмотреть. Думал, есть надпись какая-то, нет ничего. Так в недоумении и сошёл с бровки.

Мы ещё немного посудачили по этому поводу.

Интересно, если бы далёкие предки могли восстать из праха и услышать наш разговор? Думаю, они от души посмеялись бы над невежеством своих потомков, то есть нас, современных людей. Мы не знали и не хотим знать народных традиций, народных преданий, в том числе и тех, которые напрямую связаны с Православием.

Это же был Поклонный Крест!

Хочу напомнить размышления духовного пастыря, нашего современника. «“Блаженны алчущие и жаждущие правды”, – свидетельствовала Церковь народу русскому. “Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное... Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного” (Мф. 5: 6, 10, 16), – писал Митрополит Иоанн в книге «Русский узел». – Разве не этому свидетельству обязан русский народ тем, что, создав величайшее в мире государство, простирающееся от Атлантики до Тихого океана, он не унизил ни один из встретившихся на его пути народов, пусть самых малых, но всех принял как братьев, покоряя прежде сердца, а не крепости. Евангельское учение Церковь вложила в душу народа как совершеннейший образец, по которому каждый в меру сил должен строить жизнь личную, а все вместе – общественную и государственную. Именно Церковь стала центром святоотеческой государственности – не насилующей народ, не создающей рабства, следящей за духовным возрастанием и нравственным самосовершенствованием каждого. Церковная идея служения легла в основу сословного строя России, основанного на разделении общих обязанностей, а не на иерархии прав, как это было на Западе. Здесь берёт начало весь уклад русской жизни, как бы ни изменялись его формы с течением времени. Православность – неперенное качество всего русского в его историческом развитии. Понятия “русский” и “православный” слились воедино. Так было, пока Россию не разъединили насильно – с умыслом, злонамеренно и расчётливо. Знали, чтобы убить Россию, начать надо с осквернения души...»

Прошу извинения за обширную цитату, но она была необходима, чтобы лучше понять дальнейший разговор.

Обычай устанавливать Крест вдоль дорог, при въездах и выездах из городов и сёл, возник на Руси с незапамятных времён.

Святоотеческая память сохранила нам отрадное предание.

Когда на берег Днепра пришёл ученик Христа Апостол Андрей Первозванный, то ему полюбили неизвестная красивая земля, и святой воздвиг на ней Крест, пророчески определив, что здесь будет большой город и укрепится Вера христианская.

Может, так оно и было!

Другое предание гласит, что первый Поклонный Крест на Руси установила княгиня Ольга более тысячи лет назад на горе – близко от Киева. Не исключено, что великая княгиня, прославленная позже Русской Церковью в чине равноапостольной, установкой Креста запечатлела принятие ею крещения в столице Византии – городе Константинополе. Хотя некоторые знатоки русской старины утверждают, что, воздвигая Крест, княгиня Ольга тем самым обозначила символ победы христианства над язычеством.

Из мировой истории известно, что первый Поклонный Крест в виде памятника-символа соорудил в Римской Империи император Константин в честь своей воинской победы. На Кресте была надпись: «Этим спасительным знаменем я спас город от ига тирана».

Во всяком случае, этот обычай – установка Поклонного Креста – был принят русским народом и получил широкое распространение по всей огромной территории Святой Руси. Наверное, нет случайности и в том, что стали появляться Кресты, разные по своему предназначению. Одни Кресты предназначались как миссионерские, другие – как навигационные, третьи – как межевые, охранные. Также были и поминальные Кресты. Ещё ставили Кресты для обозначения мест, где были разрушены храмы, церкви, часовни, их называли памятными.

Кресты обычно делали из дерева, реже – из камня и металла.

Наибольшее распространение на Руси получили, конечно, Поклонные Кресты.

Они свидетельствовали о «животворящей силе Креста Господня», об исконной вере Православной, о Кресте как средстве спасения души и обретения Царства Небесного, а также напоминали гору Голгофу под Иерусалимом, где римские воины по приговору еврейского Синедриона совершили казнь – распяли на кресте Богочеловека Иисуса Христа.

В наши дни, когда люди припадают к народным истокам, чтобы обрести их чистоту, оживила и православная традиция воздвижения Поклонных Крестов.

– Проезжая по сёлам и городам южной России, в частности по территории Кубани, я обратил внимание, как много там установлено Поклонных Крестов, – поведал свои впечатления от поездки на юг Константин Симаков. – При въезде и выезде в населённых пунктах, на дорогах, в других местах стоят такие Кресты. А вот у нас на Вологодчине почему-то не принято ставить их. Не знаю даже, чем это объяснить.

Да, это кажется немного странным.

Вологодский край, наверное, единственный в России, который дал Отечеству большое созвездие православных святых – и общецерковных, и местночтимых, более ста подвижников. В их числе такие светочи Веры и благочестия, как преподобные Павел Обнорский, Дмитрий Прилуцкий, Кирилл Белозерский, Нил Сорский, святители Стефан Пермский и епископ Кавказский и Черноморский Игнатий (Брянчанинов) и ещё очень многие.

И, сообразуясь с почитанием их памяти, конечно, хотелось бы видеть и Вологду, и прочие города и сёла, ограждённые Крестами.

Но их нет. Ни при въезде со стороны Москвы, ни при въезде со стороны Архангельска, ни при въезде со стороны Петербурга.

Даже тот единственный Крест, с которого мы и начали разговор, кто-то через некоторое время убрал с обочины дороги.

– Теперь на том месте уже стоит щит с рекламой, – удивлённо воскликнул Симаков. – Неужели непонятно, что и торговля, и вообще всякие дела пойдут хуже, если убрали Крест? Как подумаешь, так становится и грустно, и горько.

Поддерживая чувства собеседника, замечу: такое, с позволения сказать, непочтение к Кресту, происходит, пожалуй, от того, в каком состоянии душа человека, что в ней на первом месте – Божий Крест или реклама и доллар?

Попробуем поискать ответ на этот вопрос чуть позже.

А пока вернёмся к обычаю, о котором ведём речь.

Мой знакомый, давно воцерковлённый, сказал, что не существует каких-то церковных канонов или требований, предписывающих ставить Поклонные Кресты.

– Есть такой крест – хорошо, нет его – ничего страшного, – заключил он.

Так же относился к данной проблеме и бывший правящий архиерей бывшей Вологодской епархии, преобразованной позже в митрополию.

– Если хочешь знать моё мнение, – продолжал знакомый, – считаю, что это – народное волеизлияние. Сами люди пусть решают, где и что ставить, какой крест соорудить и в каком месте.

Да, подобная точка зрения имеет право на существование.

И всё же мне лично трудно согласиться с ней полностью.

Что мы вкладываем в понятие «люди»?

Существующая власть с её огромной армией чиновников – это люди?

Да, конечно!

Наши дети, миллионы школьников, которых усердно не допускают до азов Православия, – это люди?

Да, конечно!

Наши пенсионеры, составляющие большинство действующих церковных приходов, – это люди?

Да, конечно!

Ну и немалое количество так называемых просто обывателей тоже следует отнести к понятию «люди».

Всегда ли между такими категориями людей возникает согласие в решении разных вопросов, в том числе и духовного свойства? Увы, далеко не всегда. Не по этой ли причине установка Поклонного Креста остаётся заботой немногих инициативных воцерковлённых граждан?

Наверное, так!

Кстати, напомним слова из молитвы (тропарь Кресту Господню):

Спаси, Господи, люди Твоя
И благослови достояние Твое,
Победы на сопротивные даруя,
И Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Возносимые на нашей земле Поклонные Кресты напоминают всякому, кто проходит или проезжает мимо них, о покаянии, о необходимости жить в любви и доброте к ближним, а также прививать детям и внукам азы духовности.

II

Я уже упомянул о состоянии душ наших современников: что в них главенствует? Жажда наживы, следование губительному горбачёвскому призыву «Обогащайтесь кто как может!» или всё же стремление развивать в себе «образ Божий»?

Чем возносится современник?

Долларом, который крутится в его голове, подобно рулетке, и заставляет мыслям о корысти подчинить всё текущее бытие?

Или его сердце широко открыто состраданию, милости, желанию благого поступка на радость ближнему?

Однозначных ответов на такие непростые вопросы, конечно, нет.

Но ясно одно: этим самым главенством, действующим в душе каждого из нас, в итоге определяется уровень развития и всего общества, настоящее и будущее России, её образ перед лицом остального мира.

И здесь, увы, всё далеко не так просто!

Вот уже около тридцати лет в России идут «реформы».

Об их последствиях для русского народа наш известный писатель Валентин Григорьевич Распутин сказал с изрядной долей горечи: «То, что произошло в конце 80-х и в 90-х годах при Ельцине, Чубайсе и Гайдаре, – гораздо большая беда, чем Мамаево побоище. Богатырскую страну разграбили

в считанные годы. Хлебные поля забросили и деревню, можно сказать, уничтожили. Промышленность заглохла, за обладание выгодными предприятиями шла кровавая война.

Народные и природные богатства поделили между собой те, кто вознёсся затем на высоту олигархов. Нравственность и совесть отменили, одно упоминание этих понятий вызывало издевательства. Отменили, в сущности, и Россию, хотя именем её продолжали пользоваться.

Но много ли радости в родном имени, если наполнение его чужое? Чужие нравы и песни, чужое образование и чужие кумиры, русский язык переполнен мусором и грубостями, великая русская литература существует в положении пенсионерки и тихо уходит в тень.

Перечислять все эти перемены (а они везде и всюду), право же, сердца не хватит. Вот такие изменения и произошли, вот такая переоценка ценностей.

Под мощной атакой бесстыдства и беззакония... в условиях беспощадной и жуткой реальности происходит, по-видимому, реформация душ.

Могущество России исходило всегда от её нравственных, духовных и культурных начал. С ними и благодаря им осваивали новые земли, делали танки и ракеты, возвращали таланты, уходили в космос...»¹.

Позиция писателя, пусть с некоторой категоричностью и заострённостью, на мой взгляд, точно отражает суть перемен и передаёт всеобщую тревогу. Ну и далее в своих размышлениях Валентин Распутин обратил внимание ещё и на такое понятие, как «успешность». Ныне она признаётся едва ли не главной оценкой всего и вся. «Поспешать, успех, успешность, даже приспешник – всё это однокоренные слова, слова одного лексического гнезда. Мне в слове “успешность”, – продолжал он, – слышится скорее бесстыдство людей среднего порядка...»².

Согласимся: приверженность успеху возникла не сегодня и не вчера, а очень давно, она стара, как стар и сам мир. Откроем наугад сочинения какого-нибудь древнего философа, например Луция Сенеки, его известные «Нравственные письма к Луцилию». Поэт, прозаик и мыслитель Древнего Рима предостерегал и своего друга, и всех жителей обширной Империи от излишнего увлечения успехом в чём-либо.

Самым большим богатством Луций Сенека считал время: «Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Поступай же так, мой Луцилий, как ты мне пишешь: не упускай ни часу. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится. Всё у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше»³.

Нет ничего плохого в том, если кто-то стремится достичь успеха в избранном деле, в творчестве, в мастерстве. Думаю, такой успех будет только на пользу и самому человеку, и всему обществу.

Но известный русский писатель Валентин Распутин и римский философ Сенека имели в виду, наверное, другой успех, тот, что затмевает в личности всё остальное. И особенно такой успех, которым человек безмерно хвалится, возносится и превозносится.

Чем возносится современник?

Успехом в богатстве – роскошью, недвижимостью, финансами!

Даже появилась поговорка: «Скажи мне, сколько у него на счёте, и я скажу, кто он!»

Проще говоря, целью существования человека «элита» общества провозглашает «наживание денег» любыми способами и любыми путями.

А так ли это? В том ли смысл жизни?

Мы уже касались раньше данной проблемы и отмечали, что подобные «ценностные ориентиры» уводят современника от народных традиций, в том числе и от традиций Православия, к которым надо бы возвращаться; опустошают его внутренний мир, порождают жестокость и цинизм.

Несмотря на такую очевидность, у нас продолжают похвальбу «успехом в богатстве».

Она проявляется в разных местах и на разных уровнях.

В частности, многих жителей России шокировал такой эпизод.

В Москве, накануне новогоднего праздника, сам «отец российской приватизации» и по совместительству «великий электрофикатор», а ныне «выдающийся учёный» в области нанотехнологий

¹ Распутин Валентин. Мужайся, стой, крепись и одолей! // Советская Россия. 2016. 12 марта.

² Там же.

³ Луций Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М.: Художественная литература, 1986.

А. Чубайс на вечеринке наносоудников заявил, что у него денег много, очень много, и он не знает, куда их девать. Наверное, Чубайс носит домой зарплату в мешках. Такой вот он «успешный менеджер». Что же столь великого совершил этот самый Чубайс, какие сделал открытия, за которые получил «денег много, очень много»? Главное его «открытие» – воровская приватизация, ограбление большей части населения Россия, ввержение в нищету миллионов и миллионов, а также пресловутые «нанотехнологии», о пользе которых мало кто знает.

А ведь Чубайс – не частный предприниматель, он – государственный руководитель, олицетворяющий существующую государственную систему.

Не трудно себе представить, какие чувства испытал от признания Чубайса лесоруб где-нибудь в архангельской глубинке или вологодский крестьянин, не знающий как свести концы с концами в своём хозяйстве. Также не исключаю, что они просто пожалели «наночальника» как человека, у которого не всё в порядке с душевной психикой. Не зря тот же древний философ Сенека говорил: «Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто хочет иметь больше».

А Чубайс, вне сомнения, «хочет иметь больше».

Или как не вспомнить о «великом» юбилее – 50-летию со дня рождения руководителя государственной корпорации «Уралвагонзавод», который расположен в городе Нижний Тагил Свердловской области. Олег Сиенко, юбиляр, собрал в торговом центре «Европейский» в Москве 400 гостей. Публику веселили, смешили, забавляли, перед нею отплясывали и пели так называемые популярные исполнители – Алсу, Игорь Крутой, Анита Цой, Владимир Кузьмин и ещё некоторые «звёзды». За каждое выступление г-н Сиенко отвалил артистам по отдельности не меньше одного миллиона рублей. Столь же щедро одарил он и услуги команды режиссёров и операторов – выложил двести тысяч рублей.

На громкой вечеринке в столице угощение одного гостя обошлось примерно в восемь тысяч рублей.

Уму непостижимо, как можно съесть за вечер и выпить спиртного на такую сумму!

На сумму, которая почти дотягивает до средней пенсии среднего пенсионера в России!

Всего же юбиляр потратил в тот вечер на проведение личного праздника более 10 миллионов рублей¹.

Народная мудрость предостерегает нас, чтобы мы не считали деньги в «чужом кармане». Да, большинство населения и не считает, потому что просто не знает, какие суммы и откуда получают представители олигархата, это их «коммерческая тайна». Но когда олигархи нагло и беззастенчиво демонстрируют, подобно Чубайсу и Сиенко, своё неопишное богатство, то, конечно, людского осуждения, людского возмущения не избежать.

Здесь мы видим опять похвальбу богатством!

Что же выдающегося совершил упомянутый директор?

Может, он построил на личные средства «Уралвагонзавод»?

Нет, не построил. Одно из крупнейших в Европе предприятий возвели в середине прошлого века, ещё до начала Великой Отечественной войны, трудящиеся Советского Союза. К созданию уникального завода щедрый господин Сиенко не имел никакого отношения.

Может, он сделал какое-то яркое техническое открытие?

Тоже нет.

«Заслуга» юбиляра состоит в том, что только в течение одного 2015 года из госказны, то есть из бюджета РФ, заводу выделили 37 миллиардов рублей.

Для сравнения: эта сумма превышает годовой бюджет всей Вологодской области пятилетней давности.

Почему бы и не загулять, имея столько денег?

Накануне юбилея директора в самом Нижнем Тагиле прошёл митинг трудящихся «Уралвагонзавода». Они возмущались задержкой зарплаты, готовящимся сокращением рабочих мест. А губернатор Свердловской области направил Сиенко письмо, где благодарил «за проявленное милосердие и чуткое отношение к людям, нуждающимся в помощи».

Иногда, как это ни странно, и само государство уподобляется «юбиляру» из Нижнего Тагила, который не считает деньги у себя в кармане. Всем известно, что реальному сектору экономики крайне не хватает средств на развитие: обновление оборудования и технологий, ввод в строй но-

¹ Глава Уралвагонзавода закатил банкет на 10 млн руб. // Сайт Lifenews, 19.02.2016.

вых мощностей, организацию сбыта продукции. Если на эти цели брать кредиты в банках, то промышленникам устанавливают грабительские ставки – до 18–20%. Хотя тот же Сбербанк в своих филиалах, которые он имеет за границей, в частности в Венгрии и Польше, предоставляет кредиты по ставкам от 3 до 6%. Разница в ставках, как видим, существенная!

Чем же русский предприниматель хуже польского или венгерского? В чём он провинился перед Сбербанком?

Ни разу я не слышал и не читал какие-либо объяснения по этому поводу руководителя Сбербанка, птенца «ельцинского гнезда» и друга главы государства г-на Грефа. Он, как и директор завода с Урала, за чужой счёт готов облагодетельствовать иностранцев, а для своих граждан, кто хочет поднять экономику, держит «фигу в кармане».

Или вот как ведёт себя государство на фоне «хронического денежного голода», который испытывает реальный сектор экономики. «Россия по-прежнему вместо инвестирования в свою промышленность и своё сельское хозяйство (напрочь, наверное, забыв про импортозамещение) продолжает ежемесячно увеличивать объёмы своих средств, вкладывая их в ценные бумаги правительства США, – отмечала в одной из своих публикаций Наталья Еремейцева, депутат Московской областной Думы. – Так, например, только за последние два месяца 2015 года из российского бюджета фактически в помощь американской экономике было направлено более 10 миллиардов долларов.

В ноябре 2015 года ЦБ РФ приобрёл американских казначейских бумаг на 6 миллиардов долларов, в декабре – на 4,1 миллиарда долларов. Что в сумме составило более 10 миллиардов долларов. Это столько же, сколько запланировано на поддержку российской экономики на весь 2016 год.

И это на 50% больше, чем запланировано на всё российское здравоохранение – 516 миллиардов рублей. Вот так, оказывается, Россия противостоит США на самом деле.

При этом всякие разговоры и обещания типа “сейчас мы возьмёмся, наладим своё производство и всё импортозаместим”, оказались очень далеки от реальности¹⁵.

В приведённом отрывке из размышлений депутата тоже не трудно увидеть одно из проявлений похвальбы, это проявление и не скрывают. Вот, мол, какая Россия богатая – завалим всю Америку деньгами! Так, наверное, считает руководство страны, перекачивая средства в чужую страну.

Чем же оно возносится, это самое руководство? Долларом, и опять же – долларом!

Эпизоды, которые я привёл, а подобные им можно ещё долго перечислять, не были нацелены на то, чтобы мне самому выглядеть в роли этакого «праведного судьи»: дескать, богатенькие-то мужики плохие, а мы-то, рядовые граждане, очень хорошие. Нет, конечно! Такой цели я не ставил. Судья у нас один – Господь Бог! Оценку наших дел и поступков возложим на Него.

Нам важно было проследить определённую общественную тенденцию, существующую и претендующую на нечто «новое».

III

Хочу напомнить известное изречение из Священного Писания, которое утверждает, что не хлебом единым будет жив человек, но и всяким глаголом, исходящим из уст Божьих. То есть существование человека невозможно без духовной составляющей, иначе оно тускнеет, теряет своё значение и всякий смысл.

Упование только лишь на материальное и вещественное, только лишь на «потребности утробы» искажает душу и сердце, приводит их в состояние «окаменелости». О том же свидетельствовали многие святые Русской Православной церкви. Их свидетельства не потеряли своей остроты и практической пользы до сих пор. О том же самое сказал в одном из своих выступлений патриарх Московский и всея Руси Алексей II: «При всей греховности нашей мы знаем, что Милосердный Господь через нас, немощных, совершает Свою Силу».

Если бы все люди в стране, подобно упомянутому юбиляру, возносились стяжательством и стремились только к нему, то мы бы как народ, как нация давно истаяли, иссякли, выражаясь по-иностранному, деградировали. Но, слава богу, повсеместно этого пока не происходит. Хотя в верхних эшелонах власти разложение, вызванное стяжанием и корыстью, видно невооружённым глазом, чего

¹ Еремейцева Н. Не всё так просто, как иногда кажется // Советская Россия. 2016. 17 марта.

стоят скандалы с крупным взяточничеством бывших министров – обороны и развития. Коррупция, будто раковая опухоль, поразившая чиновничество, не коснулась той части общества, которая честно живёт и работает, насколько это возможно делать в государстве, охваченном криминальной лихорадкой, её всячески подогревают СМИ. Подогрев этот не всегда удаётся.

Причина, пожалуй, как раз и заключена в том, что миллионы русских людей, в отличие от кучки «олигархов», обращённых в «новую элиту», хотят восстановить и сберечь в себе «образ Божий». Они стремятся идти в своей судьбе «царским путём», то есть путём сохранения Православной веры, желают проявлять в повседневности душевные качества – милосердие, доброту, сочувствие, жертвенность.

Такие людские порывы укрепляют надежду на то, что наше общество всё равно придёт к своим истокам, к прерванным народным традициям, хотя для того потребуется проявить изрядную силу воли, преодолеть всякие преграды, быть мужественным и последовательным.

Когда я думаю об этом, в моей памяти всплывают многие разные эпизоды, детали, подробности, подтверждающие, что такое движение в обществе есть.

По утрам к проходной хлебокомбината в Вологде приходят люди из ночлежки, просто бродяги, или те, кому на сегодняшний день не на что купить хлеба. И каждый из них, на какой бы степени «падения» ни находился, здесь, у ворот комбината, получает тёплые буханки и булки, иногда – бапки и пряники. Директора этого предприятия никто не заставляет и не обязывает так поступать. Но Владимир Малек поступает так, потому что знает: помимо государства есть ещё Господь Бог!

А некоторые руководители магазинов, особенно крупных торговых сетей, вывозят продукты, срок которых истекает, на свалку. Ну, выставьте на продажу накануне, понизьте цену, сделайте благо людям, а не отвозите на свалку. Нет, не хотят: попечение о прибыли берёт у них верх над всем остальным. Мой знакомый, закончив госслужбу, вышел на пенсию и уехал в родную деревню на берегу Кубенского озера. Там, недалеко от родительской избы, уже не одно десятилетие сиротливо стоял полуразрушенный храм, с укором напоминая о былых временах, когда Кубеноозерье густо «цвело» деревнями, сёлами, где кипела весёлая крестьянская жизнь. И ему в голову пришла мысль: «Надо бы восстановить храм!» Легко подумать, а сделать-то не так просто! Как, с чего начать, где взять средства? Эти вопросы, конечно, важные, но всё-таки не главные, поскольку главным было доброе движение сердца, оно и определяло всё.

Вскоре у знакомого нашлись помощники, которые разделили его заботы. Вместе зарегистрировали церковную общину, стали собирать сведения об истории храма, отыскиались и добрые люди, которые выделили первоначальные средства на восстановление церкви.

И такое происходило и происходит не только на земле Кубеноозерья, в других пределах Вологодчины, но и по всей необъятной России. Люди потянулись к тому, что прежде было под запретом. «Ныне, отрекаясь от грехов прошлого, мы должны понять: благие цели должны достигаться достойными средствами, – напоминал митрополит Иоанн. – Созидая и обновляя жизнь народа, нельзя идти по пути беззакония и безнравственности. Совершая любое дело, нельзя приносить в жертву человеческую жизнь и свободу, чьё-либо доброе имя, нравственные нормы и нормы закона...»

– Да, и я тоже хорошо помню эту волну общественной активности, её можно назвать пробуждением христианской сознательности у народа, – вспомнил Константин Симаков. – Тогда у нас в самом Грязовце и в районе, да и в других районах одновременно и приводили в порядок, то есть реставрировали, заброшенные храмы, и строили новые церкви. И, понятное дело, обращались за помощью к нам. И я, в общем-то, никому не отказывал. Кому-то мы выделяли технику и механизмы, кому-то – строительные материалы и рабочих, кому-то – финансовые средства. Если давать оценку с позиций нынешнего дня, то мы многое успели сделать. Хотя, исходя из возможностей предприятия, поступали иногда по принципу: всем сёстрам – по серьгам. И со стороны казалось, что благотворительная помощь, творимая потихоньку для всех, как-то не очень заметна. На самом деле, когда сложишь всё вместе, то получается достаточно внушительный результат.

Перечислять с бухгалтерской точностью благие поступки, считаю, не имеет смысла, да и утомительно это. А вот назвать некоторые из них, наиболее характерные, раскрывающие общественную тенденцию, просто необходимо. В частности, руководитель КС-17 принял живое участие в возрождении Свято-Троицкого Павло-Обнорского монастыря, который расположен в живописном уединённом месте неподалёку от города Грязовца, в стороне от федеральной трассы Архангельск – Москва.

В судьбе России, в истории Русской Православной церкви названная обитель оставила яркий след, отсюда вышло немало истинных подвижников благочестия. Не так давно, 8 июня 2014 года, священнослужители и многочисленные гости отмечали 600 лет со дня основания монастыря. Это был радостный, замечательный духовный праздник с Крестным ходом вокруг обители. На торжествах встретил и Константина Симакова.

Поскольку далеко не все читатели, даже живущие в соседних с обителью районах, знают подробности её возникновения и существования, то, думаю, уместно кратко упомянуть о них.

Чтобы почувствовать всю притягательную силу Павловой обители, надо здесь, конечно, побывать. Яркие духовные впечатления останутся надолго. И само место, где расположился монастырь, удивительное – под крутой горой на берегу лесной речки Нурмы, и святая личность её основателя. К юбилею вышла небольшая книга, где бывший архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан отмечал: «У нас в России есть своя Фиваида, Северная, древняя Вологодская земля. Сюда, в глушь дремучих лесов, в поисках суровых подвигов уединения и безмолвия в Средние века устремилось множество подвижников благочестия. Одним из них был ученик преподобного Сергия Радонежского преподобный Павел Обнорский, просиявший в сонме вологодских святых. История Свято-Троицкого Павло-Обнорского монастыря ведёт свой отсчёт с 1414 года, когда преподобный Павел получил благословение митрополита Фотия на основании обители, явившей миру немало подвижников».

О духовных подвигах преподобного Павла рассказано в его житии, многие из них поражают воображение современного человека. Так, придя в глухой, труднопроходимый Комельский лес, он несколько лет прожил в большом дупле старой огромной липы. Часть этого дупла представлена теперь в качестве реликвии в действующем храме. В дупле подвижник смиренно переносил и холод и зной.

По-своему была примечательна встреча старца Павла с митрополитом Фотием в Москве. В возрасте почти 70 лет отшельник Павел отправился в столицу просить разрешения на строительство храма. Ему предстоял разговор с митрополитом в Москве. Сам Фотий по рождению был грек из города Монемвасия в Пелопоннесе, в 1408 году он был призван на Русь и временно замещал Русскую церковную кафедру, тогда она относилась к духовным властям в Константинополе.

Когда в своих покоях митрополит увидел пустытника из Комельского леса – в ветхом рубище, с утомлённым от долгого пути лицом, смиренного и покорного, то не поверил его рассказу о чудесном видении в лесу. А видение его было таким: на противоположном берегу Нурмы – от того места, где стояла хижина подвижника, он слышал звон колоколов, не раз наблюдал дивный Божественный свет, о котором невозможно рассказать словами. Вот об этих чудесах, имевших место быть в Комельском лесу, и поведал странник первостепенному Владыке. Но Фотий, далёкий от простой жизни русских северных отшельников, не поверил Павлу, поэтому и отказал в его просьбе – разрешить построить монастырь на том месте, где ему было явлено чудо.

В ту же ночь в тонком сне митрополит Фотий услышал голос: «Для чего ты унижил смиренного отшельника? Это избранник Божий! Дело, в начинании которого он просит твоего разрешения, – есть дело, указанное ему свыше. Оскорбив его, ты оскорбил самого Господа. Поспеши, найди старца и исполни всё по его прошению»¹.

Фотий проснулся от страха и едва дождался рассвета. Его слуги с трудом отыскивали старца. Он стоял на молитве в одном из монастырей Москвы.

Митрополит повинился перед блаженным, дал ему Грамоту, а также обильные средства на начало стройки. Кстати, этот редкий документ «Благословение митрополита Фотия» приводится в упомянутом издании.

Так, на берегу Нурмы, в тихом уединённом месте, стали возводить храм во имя Святой и Живоначальной Троицы, который и положил начало монастырю. В возведении храма активно участвовал и сам Павел, несмотря на свой почтенный возраст, а затем он стал руководителем братии. Преподобный прожил долгую жизнь – 112 лет.

Уже позднее иконостас главного храма в обители расписывал знаменитый русский иконописец Дионисий. Сохранились три иконы его кисти. В настоящее время одна из них находится в Третьяковской галерее в Москве, другая – в Государственном Русском музее в Петербурге, а третья – в музее Вологодского Кремля.

¹ Стрельникова Е. Житие преподобного Павла Обнорского чудотворца. Вологда, 2008.

В дореволюционной России Павло-Обнорский монастырь был широко известен. Тому в немалой степени способствовало внимание первых лиц государства. Так, с обителью связана судьба первого русского царя Ивана Васильевича IV (Грозного). Его отец Василий III приезжал в обитель в 1528 году со своей второй супругой Еленой Глинской, оба усердно помолились о чадородии; великий князь повелел и монахам «молиться о чадородии» царицы-княгини. Спустя два года после посещения Павлова монастыря у правящего князя родился сын, которого и назвали Иваном. Достигнув юношеского возраста, он сам посетил обитель на берегу Нурмы, а также и другие места, где его отец молил Бога о даровании наследника престола.

Как и большая часть обителей на Руси, Павлов монастырь являлся не только духовным, но и культурным и хозяйственным центром. Здесь существовала своя школа иконописцев. Одновременно всякий монастырь имел особенности, применительно к Павловой обители о них хорошо написал друг поэта Фёдора Тютчева, популярный в своё время духовный писатель Андрей Муравьёв: «Самая обитель носила на себе отпечаток пустынный. Нельзя было избрать места лучше для уединённого жительства; оно и сейчас ещё дико, хотя и населено. Что же было в то время, когда ещё тут ничего не стояло, кроме пустынной хижины отшельника. Никого не встретил я в пустынной ограде, как будто не было там и души человеческой, и эта мертвенная тишина соответствовала понятию пустынной обители...»

Больше века минуло с той поры, когда здесь побывал Александр Николаевич Муравьёв. И вот что удивительно. Определяющая черта монастыря – уединённость – осталась. Наверное, сохранилась она по Промыслу Божьему. В 1924 году, как раз в дни Великого поста, Павлову обитель закрыли, а многих насельников подвергли гонениям.

– Да, лихолетья последнего столетия нанесли святой обители весьма болезненный удар, – рассказал игумен Амфилохий. – Её почти разрушили. Надругались над святынями, не пощадили даже мёртвых. И кто? Собственный заблудший народ, не ведающий, что творит. Правда, разорение внешнее никак не смогло отразиться на внутреннем духовном качестве обители. Лично свидетельствую: полуразрушенная, заваленная мусором и нечистотами (такой её вернули Русской Православной церкви), обитель источала ту же благодать, как и в прошлых столетиях. Благодаря этому до невероятности увеличивались как физические, так и духовные силы, хотелось как можно скорее очистить святыню от нечистот.

Сам игумен – грязовчанин, родился в деревне Нефёдово. Работал на Крайнем Севере в разных подразделениях Газпрома. А позже, когда вернулся оттуда на малую родину, связал свою судьбу с Православием. Он прошёл школу Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря. Сюда, на берег Нурмы, подвижник поступил в 2000 году, когда в запущенных помещениях бывшей обители организовали подворье Прилуцкого монастыря. Затем здесь открыли обитель и решением Синода монаха из Прилук назначили наместником. «Тяжело было начинать с разрухи», – вспоминал игумен Амфилохий. Да и теперь трудностей хватает. Но плоды усилий игумена и братии налицо, это видит каждый, кто приезжает в монастырь.

Древняя обитель ожила, везде заметны добрые перемены.

Делясь впечатлениями о празднике – 600-летию Павло-Обнорского монастыря, Константин Павлович вспомнил и о своём участии в большом деле её возрождения.

– Ну как было не помочь игумену? – сказал Симаков. – Свой он, работал в нашей системе, да и человек славный.

– А в чём выражалась ваша поддержка?

– Мы с самого начала её оказывали, – продолжал собеседник. – Поставили людей, что называется, на довольствие. Помогали спецодеждой – сапоги, тёплые куртки; инструментом, разными материалами. Одним словом, откликались на их просьбы, конечно, учитывая наши возможности. Они, кстати, тоже не безграничны. Но на первом этапе, на мой взгляд, крепко поддержали Амфилохия. Ещё оказывали содействие в благоустройстве территории, выкопали большой пруд.

Признание игумена в том, что хотелось как можно быстрее «очистить святыню от нечистот» достойно уважения. Теперь обитель обрела прежнюю чистоту. Не случайно на богослужения сюда приезжают верующие отовсюду.

– Очень сожалею, – признался руководитель, – но такого же отца Амфилохия, как в селе Юношеском (так называется поселение, где расположен Павлов монастырь), не нашлось на

Комельскую обитель. А очень хотелось тоже сохранить её для нынешних людей и для последующих поколений.

О какой утрате идёт речь?

Сверкая куполами и крестами, обитель Корнилия Комельского, обнесённая стенами и башнями, стояла неподалёку от большой дороги, ведущей из Ярославля в Грязовец и Вологду. Её основание относят к концу XV – началу XVI века. Сам подвижник Корнилий, выходец из богатой семьи, начал подвизаться с 12 лет в обители Белозерской. Позже он проходил учение у знаменитого архиепископа Геннадия, правящего архиерея в Великом Новгороде, того, который открыто обличал «ересь жидовствующих».

Корнилий посещал Москву, пребывал какое-то время в Савватьевой пустыни в Тверских пределах – одним словом, прошёл сложный духовный путь, прежде чем удалился на Север и обосновался в Комельском лесу.

Здесь он с помощью братии, будучи уже в почтенном возрасте – 60 лет, соорудил деревянную церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, чем и положил начало монастырю.

Увы, до нашего времени обитель, славившаяся благолепием и красотой, не сохранилась в достойном виде. Но всё-таки кое-что от неё уцелело, и это уцелевшее ещё можно было как-то спасти. По крайней мере, спасти для того, чтобы попытаться восстановить монастырь на этих самых руинах.

– Однажды мы встретились – архиепископ Максимилиан, главный врач областной психиатрической больницы Александр Куцентов и я – как раз там, у бывшего Комельского монастыря, – вспоминал Константин Павлович. – Ну, почему архиерей – понятно. У главного врача здесь был филиал лечебницы. Я тоже проявил заинтересованность в сохранении остатков святыни. Тогда ещё стояли какие-то здания, ещё в неплохом состоянии была поварская. И мы обговорили предполагаемые совместные действия. Но мы, что называется, опоздали. Пока стояла охрана, сторожившая филиал лечебницы, был какой-то относительный порядок. Когда охрану удалили, то пошла растащиловка – кто бревно унёс, кто кирпич. В общем, не получилось так, как мы хотели.

Да, и такое, к сожалению, бывает. Благотворители, увы, тоже не всеисильные люди, иногда что-то задуманное ими не удаётся осуществить.

Но ещё два удачных эпизода хочу упомянуть.

В те же годы при въезде в село Комья – центральную усадьбу крупного хозяйства «Аврора» – строили новый храм в честь чудотворца, святителя Николая, архиепископа Мирликийского, столь любимого у нас на Руси. Инициатором выступал тогдашний губернатор и бывший руководитель «Авроры» Николай Подгорнов. Когда стройку закончили, он попросил Симакова газифицировать новый храм. Константин Павлович откликнулся на его просьбу. Работ, связанных с обустройством храма, оказалось довольно много. Пришлось тянуть сюда нитку газопровода, делать «прокол» под автомобильной дорогой. В самом храме бригада с КС-17 установила газовый котёл, выполнила необходимую обвязку труб, другие виды работ.

Всё это, разумеется, на благотворительной основе.

Такую же помощь оказали газовики и храму в деревне Уткино Вологодского района.

– Вообще-то, участие газовиков в возрождении православных святынь на Вологодской земле началось давно, ещё в 90-е годы прошлого века, когда о тяге к духовным ценностям мало кто задумывался – в стране бушевал политический и экономический кризис, – заметил собеседник, – было не до храмов, но мы уже тогда обратили внимание на них.

Об этом следует рассказать отдельно.

IV

«Мы с тобой два берега у одной реки» – это слова из эстрадной песенки, когда-то очень популярной в Советском Союзе. Её исполняли артисты со сцены и по радио, её распевали в дружеских застольях.

Точно так же можно обозначить Отечество и Русскую Православную церковь – это два берега одной большой реки по имени История. Многие её события неразрывно связаны между собой поступками и деяниями людскими, особенно когда дело шло о сохранении Отечества, отстаивании его свободы и независимости. Так, в канун великого побоища на поле Куликовом князь Дмитрий Донской

приехал к монаху Сергию Радонежскому и взял благословение святого на защиту Отечества. Или вспомним, отдавая дань благодарности, блестящего полководца Михаила Илларионовича Кутузова. Когда войска Наполеона побежали из Москвы, командующий русской армией молился перед иконой Богородицы: «Слава тебе, Господи, Россия спасена!» Без молитвы не начинал какое-либо сражение великий русский полководец генералиссимус Александр Васильевич Суворов. Из 62 битв, проведённых под его началом, он не проиграл ни одной.

Естественно, что какие-то гражданские события находили отражение в бытописании Церкви. Так, в память о победе русского народа в Отечественной войне 1812 года построили храм в селе Раменье Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Он был освящён в честь Богоявления. Храм уцелел в бурях богоборчества, гремевших над страной в начале прошлого века. Уцелел храм и продолжал существовать в изначальном своём предназначении – здесь вёл службы отец Алексей. Однако и само здание, и подсобные помещения требовали ремонта. Тогда священник обратился за поддержкой к газозаводам и нашёл у них понимание.

– Да, это был наш первый храм, которому мы стали помогать, – вспоминал Константин Павлович.

– В чём это выразалось?

– Там набралось немало всяких работ, – продолжал собеседник. – Когда мы пришли, то увидели, что в храме надо менять полы. Поменяли. Стены и купол находились в запущенном виде – покрасили их. Ещё поменяли рамы на окнах. Тогда ведь как было? На благотворительность никаких средств не выделяли. Самим приходилось изыскивать всё это «из резервов». Ну а зато какое радостное настроение было у служителя и прихожан, когда мы закончили ремонт. Мы тоже радовались. И после окончания ремонта мы с этим храмом не порывали взаимоотношения. Сюда привозили многих рабочих, которые принимали в храме Святое Крещение.

Так началась эта, незаметная для постороннего взгляда, очень важная работа по возрождению традиций Православия на Вологодчине. В её орбиту, вольно или невольно, втягивались многие, кто в силу служебных обязанностей, кто из чувства интереса, кто в силу душевных движений. Считаю своим долгом рассказать об одной такой подвижнице.

– Что-то мне боязно идти туда, – призналась Зинаида Петровна и участливо взглянула на главу сельсовета. – Вдруг не так поймут?

– Не надо бояться, – успокоила её Надежда Острякова. – Я сама, когда первый раз пошла на компрессорную станцию, оробела немного. Меня спросили: «Вы что хотели бы?» Я ответила: «Мне нужна труба!» Начальник опять задал вопрос: «А какая труба? Есть трубы чугунные, есть стальные, есть большого диаметра, есть маленького. Вам-то какая труба нужна?» – «Даже не знаю, какая именно, но вот у нас прохудилась труба и надо её менять». – И начальник заверил: «Хорошо, заменим!» – продолжала она. – И слово своё сдержал – старую трубу заменили на новую. Так наша Ростилловская округа стала сотрудничать с Симаковым Константином Павловичем. И вот уже много лет у нас добрые отношения, и с какой бы просьбой мы ни обратились, всегда находили отклик. Так что, думаю, и в вашем деле, Зинаида Петровна, не будет отказа.

– Дай-то бог! – кивнула Исправникова. – Очень хотелось бы, чтобы задуманное сбылось.

Примерно такой разговор происходил у главы администрации Ростилловского округа Надежды Геннадьевны Остряковой. Правда, тогда это был ещё сельсовет, а не округ, но территория имела та же, что и теперь, и населённые пункты – те же. К ней за участием и советом приехала жительница деревни Спас-Нурма Зинаида Петровна Исправникова, отработавшая многие годы сельской учительницей, недавно вышедшая на пенсию.

Необычные обстоятельства, совсем не личного плана, привели её к Надежде Геннадьевне. Множество раз за свою деревенскую жизнь проходила Зинаида Петровна мимо пустующего храма, когда-то мощного, в два яруса, величавого, будто огромный морской корабль. И не раз её сердце сжималось от боли за поруганную святыню – оставленную, забытую, будто в такой беде была и её вина; и ей хотелось хоть чем-то помочь храму.

Однажды, это было связано с печальным событием, на отпевание жителя деревни приехал священник Алексей Бриленков, известный в Грязовецком районе церковнослужитель. После совершения обряда и проводов в последний путь Алексей Николаевич разговорился с деревенскими жителями. И как-то само собой получилось, в этой беседе священник посоветовал деревенским людям взяться всем миром за восстановление храма. И они восприняли его совет как благословение на доброе дело.

Тем более что речь шла не просто о какой-то рядовой сельской церкви, а о большом храме, основанном в Средневековье преподобным Сергием Нуромским, подвижником, причисленным после его кончины Русской Православной церковью к лику святых. Сергей Нуромский пришёл в глухомань Комельского леса ещё раньше Павла Обнорского. А после того, как они познакомились и подружились, был наставником и духовником Павла Обнорского.

Церковь называлась Спасо-Сергиевой.

Зная Зинаиду Петровну, её общительный характер, её твёрдость и настойчивость, когда решали какие-то общедеревенские дела, жители попросили её возглавить церковную общину, то есть быть старостой.

И она согласилась.

И вместе с единомышленниками прикидывала, с чего и как начать возрождение храма. А начинать надо было с самого элементарного – в храме не было полов, дверей, окна разбиты.

Жители и члены краеведческого клуба «Истоки» начали собирать материалы о храме и его создателе.

Пока вместе с Надеждой Остряковой ехали в промышленную зону, Исправникова обдумывала предстоящий разговор.

Ей непременно хотелось привлечь внимание руководителя к личности святого, к месту, где он совершал духовные подвиги.

Он был греком по национальности, а посвящение в монахи принял на знаменитой горе Афон, в одной из его обителей. Каким образом и почему новоначальный инок оказался в Русской земле, неизвестно, но предание сохранило такую подробность. Оказавшись в чужой стране, монах добрался до обители святого Сергия Радонежского и пребывал в ней, постигая науку общения с Богом. Очевидно, по благословению игумена Русской земли Сергей отправился на Север. В Комельском лесу, близко от реки Нурмы, он облюбовал красивый сосновый бор, стоящий на возвышенности, и здесь обозначил своё местопребывание. Здесь он пребывал в подвиге безмолвия.

Когда стали собираться те, кто разделял его духовные устремления, Сергей вместе с ними построил деревянную церковь во имя Происхождения Честных древ Креста Господня. Это было, по преданиям, около 1389 года.

В этой церкви, после кончины святого в октябре 1413 года, и были преданы земле его мощи.

Уже позже настоятель обители Матфей построил церковь Рождества Христова. Из этих двух храмов и сложился Нуромский Спасо-Преображенский мужской монастырь, основателем которого считается Сергей Нуромский. Много случаев разнообразных чудес происходило у раки с мощами святого по усердным молитвам к нему.

Об этом и ещё много о чём и хотела поведать Исправникова начальнику.

Может, ей пришло на память и стихотворение «Крест» известного вологодского поэта Александра Романова.

В тоске безбожья и бесправья,
Угрюмо завершая век,
О Боге вспомнил, умирая,
Осаганевший человек.
И он растерянно и немо,
Перепустив моторный гул,
Во всепрощающее небо,
Как в купол вечности, взглянул.
И брызнул свет над всей округой,
И человек, в грехах скорбя,
Крест сотворил щепотью грубой
И утрашился сам себя.

– Да, я её хорошо запомнил, – делился Симаков. – Она была старостой храма, была очень активной, осталась в памяти и первая встреча с нею.

Очень внимательно выслушал Константин Павлович всё, что наболело на душе у Зинаиды Петровны.

Нужно учитывать, что в те годы ещё не существовало такого понятия, как благотворительность, не было в сметах подобной строчки расходов.

И всё же начальник проникся проблемами церковной общины.

– Хорошо, – согласился он. – Давайте доедем до места, посмотрим, что там и как, и будем решать. И они поехали.

Сама Спасо-Сергиева церковь понравилась Симакову. Но запустение в ней было, конечно, угнетающее.

Не откладывая в долгий ящик, Константин Павлович стал помогать церковной общине.

На свой страх и риск раздобыл пиломатериалы, краски, отправил в деревню Спас-Нурму бригаду рабочих.

Они довольно быстро настелили полы в одном из приделов храма; побелили купол и стены, выполнили и другие необходимые работы.

Это были самые первые шаги по восстановлению заброшенного храма.

Одновременно Зинаида Петровна и её единомышленники привлекали других благотворителей, собирали всё, что необходимо для богослужения.

И вот настал этот знаменательный день.

70 лет «молчал» древний храм.

А 20 октября 1994 года в одном из приделов, который отремонтировали и привели в порядок, были зажжены свечи, зазвучали молитвы, раздалось чудное хоровое пенье – началась Божественная Литургия.

Её провёл протоирей Алексей Бриленков.

Сама Зинаида Петровна, председатель приходского совета, выразила благодарность тем, кто приблизил столь счастливый день. Это, кроме газовиков, были председатель хозяйства «Ростиловский» А. И. Котов, начальник строительной организации АПСП-4 Г. Я. Пак, многие прихожане, внёсшие добровольные пожертвования, – работник Заемского медпункта Тамара Белова, жительница Грязовца Тамара Поверганова, пенсионерка Августа Левинова – всех и не перечислишь.

Ну, и позже, когда храм стал действующим, газовики не прервали своего участия в его восстановлении.

– К сожалению, после ухода из жизни Зинаиды Петровны инициатива жителей деревни как-то ослабла, – сетовал Константин Павлович. – По этой причине и по некоторым другим причинам серьёзные работы по реставрации храма были остановлены. Но я не теряю надежды, что ещё найдутся люди, подобные Исправниковой, и доведут дело до логического конца.

V

Не знаю, было ли такое в иные эпохи, но в наше время очень часто созидательная или благотворительная деятельность вызывает в некоторых людях осуждение, ожесточение, глумление и прочие отрицательные чувства и эмоции. Вместо того чтобы радоваться постройке удобного дома, вводу в строй уникального цеха, окончанию реставрации храма или ещё какому-то доброму делу, они злобствуют, начинают выискивать «недостатки» и кричать о них на всех перекрёстках. Нечто похожее испытал и Константин Павлович Симаков.

Он только что вернулся в свой кабинет со стройки первого в России храма в честь Святителя Игнатия (Брянчанинова) (об этом мы подробнее расскажем в дальнейшем повествовании), и тут руководителя ожидала несколько необычная новость, призванная испортить ему настроение.

Она не имела прямого отношения к стройке, к производству или благотворительным делам, но всё же задевала за живое. Дело в следующем. Литературно-художественный журнал «Знамя», который издаётся в Москве, опубликовал очерк «Жизнь под газом» (№ 3, 2009), посвящённый земле грязовецкой. Автор попытался представить «вид этой земли», якобы с самой высоты газокompрессорной станции, чем он и наносил «основной удар» по коллективу, которым Симаков руководил третье десятилетие. Правда, так называемый писатель не обозначил фамилию начальника, видимо, всё же опасался судебной ответственности, которая могла бы наступить в таком случае.

Нет нужды пересказывать публикацию, но суть её сводилась к тому, что город и люди, живущие в нём, – некая пакость, этакая гадкая мерзость, такая мерзость, что дальше некуда: хоть собирай пожитки и убегай скорее из Грязовца куда глаза глядят.

Да, можно было отнестись к публикации с юмором, приняв автора за «очередного московского придурка»; либо возмутиться, потребовать от редакции объяснений; либо посмотреть на очерк с обывательской позиции: «Собака лает – караван идёт!»

Но промолчать – нельзя ни в коем случае!

Ещё совсем недавно журнал «Знамя» был довольно популярным в Советском Союзе, как, впрочем, и многие другие массовые издания. Его любили, читали, на страницах печатали известных поэтов, прозаиков, публицистов. Содержание журнала не отличалось какими-то крайними точками зрения.

Теперь же, в годы демократии в современной России, направление журнала заметно изменилось. Журнал примкнул к общественной тенденции, которую часто определяют одним понятием – русофобия.

Что это такое?

Если быть кратким, то это – неприязнь к русским людям, к русской истории и культуре; вообще ко всему русскому, ко всему, что несёт в себе отпечаток оригинальности и национальной самобытности.

Сама по себе русофобия возникла не сегодня и не вчера. Её корни довольно разнообразные. Но одна из причин в том, что иностранцы, посещавшие Россию в Средние века, не понимали её бытового и исторического своеобразия, поэтому старались в своих воспоминаниях нарисовать страну «диких варваров», чтобы у читателя возникло отвращение к ней. Хотя если брать в целом культуру России, в совокупности её духовно-нравственный потенциал, то она по целям и идеалам превосходила культуру Западной Европы. На этот счёт существует много различных исследований.

Лучшие представители русской культуры и государственности всегда давали отпор русофобии, в какие бы одежды она не рядилась.

Так, в октябре 1854 года поэт, дипломат и философ Фёдор Иванович Тютчев, обеспокоенный отношением «элиты общества» к «слову русскому родному», чрезмерным употреблением иностранной лексики, с тревогой писал:

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попусеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...
Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье...

Пленить русский язык «богохульникам» так и не удалось.

Кроме родного языка, есть ещё многое чего. Поэтому накат невежества под видом русофобии продолжался. Позже об этом говорили такие известные писатели, как Лев Толстой, Антон Чехов, Сергей Есенин.

Кто-то из читателей, возможно, упрекнёт меня за частое цитирование творчества русских поэтов. Признаюсь: я делаю это сознательно. Поэзия выражает самое сокровенное, что хранит душа человека. Наш известный православный церковный деятель и поэт Феофан Прокопович, живший в эпоху императора Петра I, написал трактат «О поэтическом искусстве», где отмечал, что поэзия – «это искусство – самое славное из всех», «даже по своему содержанию поэзия приобретает большую ценность».

Но вернёмся к предмету нашего разговора.

В разные времена русофобия принимала разные обличья.

Ныне она часто примеряет на себя одежду «психологической войны». Об этом публично и не раз заявляли русские писатели, учёные, социологи, исследователи журналистики. Обращались они и к верховной власти. Так, запомнилось письмо к тогдашнему президенту РФ, подписанное известными деятелями культуры Валентином Распутиным, Савелием Ямщиковым, Игорем Золотусским (Газета «Завтра», 16.04.2009).

«Не секрет, что многие наши “либерально-демократические” СМИ проводят политику разрушения государственных основ, стараясь очернить самых высокопоставленных российских лидеров и извратить суть их внутреннего и внешнего курсов, – выражали обеспокоенность писатели. – Некоторые

журналисты и не пытаются скрыть, мягко говоря, пренебрежительного отношения к “этой стране”, как они обозначают место нынешнего своего пребывания, позволяя себе эскапады, вызывающие гнев у тех, кто их читает и слушает».

То же самое засвидетельствовал и доктор исторических наук Александр Грабельников, профессор кафедры в российском Университете Дружбы народов. Нормальная журналистика, по мнению профессора, занимает 10 (!) процентов на информационном поле РФ, а всё остальное – «заказные» материалы, реклама, «обливание грязью» неугодных, пропаганда насилия и вседозволенности. Такое впечатление, что тратятся огромные деньги, горы бумаги, тысячи часов радиоэфира и телевизионных передач только для того, чтобы публично доказать: население России – неумёхи, полудурки, лохи, алкоголики и далее в том же духе.

И вот в качестве одной из мишеней для подобного доказательства журнал «Знамя» избрал город Грязовец Вологодской области. Правда, редакция журнала не пояснила читателям, каким же образом её автор – «оператор систем спутниковой связи из г. Щигры Курской области», выступающий «как журналист в центральных и местных изданиях», вдруг оказался в Грязовце.

А он сам – некто Анпилогов – скромно умолчал об этом.

И с первых строк начал «придуриваться».

«Если при въезде в город на дорожном указателе фигурирует слово “грязь”, – писал автор, – то можно не сомневаться в состоянии его улиц. Тем более что состоит он из одних окраин...»

Ну, что можно сказать по этому поводу?

Похоже, автор сразу настроил себя на «сермяжный лад».

Замечу: в дорожном указателе отсутствует слово «грязь», как и в названии самого города. «Грязов» и «грязь» – это не одно и то же. Но автор, не понимая данной языковой разницы, в невежественном упоении вводит читателей журнала в заблуждение. «Выяснить, каким образом городу так “повезло” с названием, – иронизировал он, – довольно сложно, так как местные краеведы работают строго в те часы, когда все добропорядочные граждане добывают средства к существованию, а по субботам-воскресеньям в городе всеобщий выходной, поэтому по поводу названия есть только версия местного бомжа».

Совершенно нелепая логика автора, да и его признание – того же рода.

В центре Грязовца есть музей истории и народной культуры, его двери открыты и в выходные дни. Почему же автор не зашёл сюда? Это – один из лучших краеведческих музеев в стране, содержит много интересных сведений, в том числе – по истории города. На худой конец, «писатель» мог бы зайти в библиотеку, открыть энциклопедический словарь, где написано, что Грязовец известен с 1538 года.

Ну а зачем русофобу всё это, всё, что определяется понятием «профессиональная этика»?

Ему оказалось достаточно «версии местного бомжа». От бомжа Анпилогов узнал, что царь Александр I Победитель, «перед тем, как помереть в Таганроге, бывал проездом в этих местах» и дал название городу.

Вот так «сенсация»!

Мы тут жили давно и ничего не знали.

Невежество автора журнала «Знамя» просто дремучее.

Александр I взшёл на трон императора в 1801 году, а Грязовец получил статус города 2 августа 1780 года по указу императрицы Екатерины II. Как же существовал город 21 год, не имея названия, пока царь Александр I не застрял здесь в своей коляске на дороге?

Стиль автора можно определить одним словом – глумление.

Искажение фактов, унижение людей, обливание грязью всех и вся – приёмы психологической войны. Ими и пользуется журнал «Знамя».

«Нагрязнувшая новая экономика, – поёт на страницах журнала «курский соловей», – быстро всё изменила. Сначала рухнул вместе со всей бомбово-танковой промышленностью Советского Союза машиностроительный завод», якобы градообразующий, и из-за него рухнула якобы вся грязовецкая экономика. Ну, фантазия чистой воды!

Никакого градообразующего машиностроительного завода в Грязовце не было. Да, существовал небольшой цех – филиал московского завода «Тизприбор». Но он никоим образом не определял экономику города и района, не идёт ни в какое сравнение с КС-17 или с мощным сельхозпредприятием «Аврора».

Увы, журнал умалчивал о том, откуда «нагрязнула новая экономика». Но есть факты, широко известные теперь. Пресловутый президент Б. Н. Ельцин пригласил из США 150 советников (в основном сотрудников ЦРУ), и они говорили «гаранту Конституции», какой завод закрыть, какую ракетную шахту уничтожить, какой корабль пустить под нож, как ограбить население, присвоив их накопления...

Так вот «нагрязнула новая экономика»!

Назвав материал «Жизнь под газом», журнал намекал на расхожую фразу «жизнь под мухой» из лексикона отпетых бомжей. И как автор мог определить «вид земли с высоты компрессорной станции», если он на ней вообще не был?

КС-17 не имеет какой-то особой высоты. Здесь обычные цеха и производственные корпуса. Единственное, что отличает станцию от какого-нибудь привычного рядового завода – высокие мачты радиорелейной связи. Она необходима для оперативной связи с разными объектами Газпрома в стране.

Может, автор забирался на одну из таких мачт?

– Никуда он не забирался, – досадливо махнул рукой Константин Симаков. – Он вообще не был здесь! Вот я никак не пойму: он не имеет к нам отношения ни с какой стороны, и мы его не видели, не наступали ему ни на какой мозоль, а он нас всех облил грязью по полной программе. Слов нет для возмущения! Читаешь – бред какой-то.

Такая же реакция на публикацию в журнале была у многих.

– Если принять её за «чистую монету», – заметила Нина Смирнова, работница КС-17, – то Грязовец состоит из одних барачков, кабаков, огородов, дети наши едут учиться почему-то в Петрозаводск, а мы все топим старинные печи дровами и курным воркутинским углём. Даже с глубокого похмелья такое вряд ли придумаешь!

Всё-таки я не удержался, позвонил в журнал редактору отдела публицистики Анне Кузнецовой, спросил её: «Почему автор глумится над святою землею?»

– Вы, похоже, принадлежите к славянофилам, – упрекнула меня Кузнецова, – а мы журнал, который следует «западному направлению».

Понятно, понятно!

Её столичный упрёк я воспринял как награду.

Лично я не против направлений – западного, южного, восточного или северного.

Но зачем публично врать? Оскорблять людей, прикрываясь «западным направлением»?

Вся эта история с журналом не стоила бы особого внимания с нашей стороны, если бы не одна деталь, о ней я сразу сказал редактору – «глумление над святой землею».

Святость эта не в каком-то переносном смысле, а в самом прямом.

До революции в грязовецком краю действовало свыше 80 храмов, церквей, монастырей. Божьи обители дали Русской Православной церкви более десяти подвижников, прославленных в лике святых.

Не встать на защиту такой святой земли было бы большим грехом. Заботясь об истине, надо сказать ещё вот о чём. Одна моя знакомая, когда я встретил её в центре Грязовца, тоже не осталась равнодушной к упомянутой публикации.

– В журнале грязи натаскано много, – поделилась она, – но, я думаю, в чём-то автор, пожалуй, и прав.

– В чём же именно? – уточнил я.

– Посмотрите на наши улицы! – воскликнула она. – Переломаешь все каблуки, пока по ним идёшь. Молодым мамам, которые везут детей в колясках, негде проехать. Чего уж тут греха таить – мало у нас уделяют внимания благоустройству. Я вот бывала в районном центре Тарногский Городок, в селе Устье, в городе Никольске на востоке Вологодчины – там чистота, порядок, любо-дорого посмотреть.

Я не стал спорить со знакомой: она здесь живёт, ей лучше знать, что и как.

Любой малый или средний городок в современной России, за исключением немногих, нуждается в заботе, в попечении, в улучшении внешнего вида.

Для благоустройства нужно иметь средства, и немалые средства.

Встаёт вопрос: где их взять руководителям малых и средних городов?

Без всякого преувеличения, Грязовецкий район мог бы озолотиться только за счёт того, что по его территории проходят газопроводы и нефтепроводы. Но «золотой дождь» здесь не пролился. Пополнять казну могли бы местные предприятия, но их с каждым годом становится всё меньше и меньше. И вот район, когда-то имевший финансовую самостоятельность, объявили «глубоко дотационным».

Теперь он должен получать средства на существование и благоустройство, полагаясь на милость «областной столицы».

Странная, а если брать практику, то и порочная система. Её трудно назвать местным самоуправлением. Она скорее напоминает такое современное иго, когда под видом «федеральных потребностей» с территорий изымают средства, столь необходимые для их развития.

Такое положение, понятное дело, не лучшим образом влияет на состояние духовности и культуры русского народа.

VI

– Я добавил бы к этому ещё и не совсем благовидную роль некоторых СМИ, действующих у нас в стране, да и в нашем регионе, – продолжал тему Константин Симаков. – Конечно, эпизод с журналом «Знамя» – он такой крайне огорчительный, но не единственный – вот в чём дело. Уж на что я спокойно отношусь к телевидению, но порой, особенно в последнее время, кое-какие передачи даже смотреть невозможно. Невооружённым глазом видно, что их авторы подтасовывают факты, искажают реальность, допускают передёргивание, увлекаются чернухой. Ну, ясно же: такое, с позволения сказать, творчество отрицательно воздействует на зрителей, особенно на детей, на молодёжь.

Здесь я разделяю обеспокоенность Константина Павловича без оговорок. Действительно, поддавшись соблазну «не иметь идеологию», правящие верхи сквозь пальцы взирают на то, что происходит в печати, на телевидении, да и в целом сфере культуры, забывают, что культура напрямую связана с духовностью. Пренебрежение к русскому языку, бравада иностранной лексикой, наконец, употребление нецензурщины превратилось в какую-то моду, её, как это ни странно, поддерживают, за неё поощряют премиями, почётными званиями.

Не будем скрывать: подобная «культура» – богоборческая по самой своей сути, она вольно или невольно способствует ослаблению традиций, заложенных в народе Русской Православной церковью. Тенденция эта, на мой взгляд, опасная.

Довольно зримо она проявила себя в шумихе, или в дискуссии, – назовите, как нравится, в связи с выходом на экраны в 2015 году фильма режиссёра Андрея Звягинцева «Левиафан». Лично я расцениваю киноленту как символ «победы» западников над русским народом и одновременно – расчётливый удар по ценностям Православия. Споры о фильме не утихают до сих пор, появляются мнения специалистов и просто зрителей на страницах изданий, на электронных сайтах в интернете. Поэтому, думаю, есть смысл поговорить о фильме подробнее.

Дело даже не в самом фильме как таковом, а в интересах общественных групп, которые он затронул или отразил.

Западники, а они около тридцати лет ведут Россию по пути, указанному «вашингтонским обкомом», и, естественно, преуспели в том, рукоплещут и радуются фильму. А люди, которые противятся насильственной американизации, искоренению у себя в стране русского порядка, уничтожению православных традиций, конечно, возмущаются вышедшей на экраны кинолентой.

Что ж, в полярности восприятия кинофильма нет ничего необычного.

В принципе, это нормальное явление, когда идут споры, когда люди смотрят на один и тот же предмет по-разному.

Давайте отложим, насколько возможно, в сторону излишние эмоции и постараемся трезво (в отличие от героев фильма!) взглянуть на то, что же перед нами: подлинное кино, произведение искусства или фальшивка, подделка в стиле «а-ля, русс».

В отличие от некоторых критиков, рассуждающих о фильме, но не посмотревших его, я всё-таки набрался терпения, посмотрел «шедевр» до конца, хотя иногда хотелось запустить в экран тем, что попало под руку.

Теперь я могу сделать собственные выводы, не претендуя на какую-либо исключительность и непогрешимость. Это в первую очередь выводы просто рядового зрителя.

Содержание фильма, во-первых, не соответствует названию – «Левиафан». Оно притянута за уши, искусственное, не отвечает замыслу и большей части сцен. Левиафан – морское чудовище, таким же оно остаётся и в переносном смысле – в библейской мифологии, в житейском обиходе.

Где оно? Его нет!

Нельзя же, в самом деле, принимать за Чудовище муляж из каких-то костей, нелепо выставленных в протоке морской воды в бухте. Нельзя же, в самом деле, в качестве Левиафана представлять и мэра северного города, и всё его окружение. Это, по крайней мере, наивно, смешно. Но, похоже, режиссёр фильма и авторы сценария имеют в виду под Левиафаном именно данных персонажей. А может, и всю жизнь нашей русской глубинки?

Жизнь, которая для них столь омерзительна, что они обозвали её Левиафаном? Я не исключаю такой вариант.

Если под Левиафаном создатели фильма подразумевали в целом жизнь современной России, тогда их замысел понятен и название вполне «уместно». Однако я, как зритель, что-то не почувствовал полноты обобщения авторов: от частного к общему у них не получилось. Чтобы пройти этот путь, очевидно, нужны ещё две-три ленты.

Поэтому фильм, на мой взгляд, должен был иметь какое-то другое название, скажем, «Судьба Коли прибрежного», «Конфликт у дачи» или что-то в том же стиле. Претендуя на некую духовность, желая приподнять фильм над обыденностью до какого-то духовного уровня (похоже, дьявольская прелесть!), авторы ухватились за первое, что им попало под руки, и вот вам – «Левиафан».

Туманно, дёшево и сердито.

Фильм этот, во-вторых, чрезвычайно насыщен «американской иудейской идеологией», она, что называется, хлещет через край. Кадры в конце «Левиафана» однозначно говорят: русский народ (в образе мелкого предпринимателя Николая) сломлен, раздавлен, уничтожен. Американцы (в образе мэра северного городка) могут праздновать победу и во всю глотку орать: «Ура, ура! Русского мужика больше нет!»

К слову, замечу: есть он или нет, думаю, все в мире поняли по тем результатам, с которыми закончила воевать наша группировка воздушно-космических сил в Сирии в конце 2015 – начале 2016 года. Чем отличался русский человек во все века и времена? Силой духа, героизмом, бесстрашием, трудолюбием, терпением. Не зря же в молодёжной песне поётся: «Русский парень в воде не тонет, русский парень в огне не горит!» А что мы видим у режиссёра Андрея Звягинцева?

Николай, главный герой, – тряпка! Конфликтная ситуация, которая непонятно как и почему возникла, довлеет над ним, он не может с ней справиться, а в итоге она уничтожает его. Примитивная и назойливая попытка авторов фильма «залить» беду героя водкой лишь усугубляет эту самую ситуацию. Чтобы показать стопроцентную деградацию русского мужика, а также и той среды, где он обитает, режиссёр, авторы сценария и актёры пичкают героев нецензурной лексикой – матом, сквернословием, бранным жаргоном. На этом «любимом языке» создателей фильма разговаривают все – взрослые мужчины, женщины, даже подростки и дети. Во как лихо!

Вспомним наши лучшие отечественные фильмы, такие как «Судьба человека», «Летят журавли», «С лёгким паром», «Живые и мёртвые» и ещё многие, – герои их никогда, ни при каких обстоятельствах, даже трагических, даже смертельных, не выражали чувства матом или сквернословием. Тут же: сытые, довольные, пьяненькие, а в разговорах – мат-перемат. Бедные, несчастные авторы! Как же они оторваны от жизни!

«Образ Николая» они собирали, похоже, в московских или мурманских ресторанах и пивных. Ясно, что они никогда не жили в русской глубинке, имеют о ней смутное, отдалённое представление. В глубинке, в деревне, в райцентре считалось всегда большим грехом употребление нецензурных слов, особенно – в годы после Великой Отечественной войны. Это уже в последнее время, когда «подул ветер демократии», матом стали ругаться даже малыши в детских садах – «всё можно». Знаменитый наш писатель Константин Воробьёв, автор произведений о войне, в своей повести «Сказание о моём ровеснике» приводил такой эпизод. Дед Матвей Егорович, когда внук повторил за ним бранное слово, заметил: «А вот говорить так не надо. Ты норови всегда таким манером: к примеру, захотелось иной раз матюгом или иным тёмным словом хватить, а ты возьми и стерпи». Замечательный совет!

Терпеть надо, господа авторы фильма, когда вам самим хочется ругаться матом или заставлять ругаться матом своих героев, своих актёров. Терпеть! А у вас терпения нет. Спешите за лаврами лауреатов Оскара или кого-нибудь ещё. Оно и понятно! Прозаик Константин Воробьёв приравнял мат к «тёмному» слову. Очень верно сделал. Кроме тьмы, оскорбления, унижения, мат ничего другого не несёт.

Употребление мата в фильме можно расценить и как один из приёмов, чтобы показать опять же деградацию русского человека. Однако это свидетельствует скорее о деградации самих авторов, во всяком случае, об их невежестве – точно. Напомню: к русскому языку мат не имеет отношения. Авторам фильма не мешало бы взять да почитать творения Нестора-летописца, или знаменитую поэму «Слово о полку Игореве», или первую русскую повесть митрополита Илариона «Слово о Законе и Благодати». Ни в этих, ни в других произведениях древнерусской литературы никогда не было мата. Происхождение этого «нароста» в нашем языке известно – он возник во времена набегов татар, монголов, половцев и других иноземцев на Русь.

Итак, какую же перспективу открывает господин Звягинцев для русского народа, разумеется, в образе Николая, главного героя?

Это – потеря любимого дела, распад семьи, потеря детей, тюрьма, возможно, самовольный уход из жизни. Иными словами – тупик для русского народа.

Разве за такие «идеалы» гибли миллионы наших отцов и дедов в жестокой схватке с фашизмом в середине прошлого века?

Нет, конечно, не за такие!

Они, наши доблестные солдаты и офицеры, воевали и гибли за то, чтобы мы были счастливыми, благополучными, а Родина – сильной и процветающей.

Ну а что же определил увенчанный лаврами режиссёр для иной, «американской стороны»? Той стороны, которая, как научил её «вашингтонский обком», не должна останавливаться ни перед чем ради достижения своих, по преимуществу корыстных целей?

Ну, для неё – полное благоденствие, полный триумф!

Да, господа хорошие, что-то вы торопитесь похоронить русский народ.

И наконец, последнее наблюдение о нашумевшей, знаковой киноленте.

В фильме «Левиафан», на мой взгляд, отсутствуют **художественная правда и правда жизни**.

Вот, к примеру, старый советский фильм «Доживём до понедельника», который ещё помнят люди среднего и старшего поколений. Когда смотришь, то не возникает сомнений в его подлинности. Ты полностью веришь и доверяешь поступкам, словам и делам героев фильма, волнуешься за них, сопереживаешь им. Это и есть художественная правда, к которой стремились авторы.

В «Левиафане» его художественная подлинность с первых кадров не вызывает доверия. Почему Николай, остановленный гаишником по пути со станции домой, посылает его матом? Ведь гаишник ничего плохого не сделал Николаю, скорее наоборот – даёт ему повод подзаработать, уговаривая отремонтировать машину. Как в начале, так и в конце фильма так и осталось непонятным: кто же такой адвокат из Москвы? Брат Николаю? Сват? Друг?

Знакомый? Неизвестно!

Ещё большее недоумение вызывает «женская линия» фильма: поведение жены Николая и одновременно (!!!) любовницы адвоката из Москвы. Когда же у них возникла любовь? И любовь ли это? Или это мимолётная похоть, которую придумал сам Андрей Звягинцев? Немотивированность поступков персонажей, их желаний, слов, действий – главный недостаток фильма, он сводит на нет усилия авторов по созданию художественных образов.

В своё время гениальный писатель Лев Николаевич Толстой, получив в подарок от Ивана Тургенева новую книгу восходящей звёзды французской литературы Ги де Мопассана, написал довольно пространственный очерк о его творчестве. В нём Лев Толстой упрекал Мопассана в том, что его герои поступают «рефлексно», то есть трудно понять мотивы их поступков. Русский писатель относил такой подход к слабости творческого метода Мопассана.

Нечто похожее мы видим и в «Левиафане». Чем объяснить действия мэра, якобы решившего заполучить в собственность участок, где дом и мастерская Николая? А ничем! Таких объяснений в фильме нет. Но ведь это – «главная пружина фильма». Что уж говорить о мотивах побочных эпизодов!

Ещё большее отторжение вызывает фильм, когда начинаешь сопоставлять его содержание с реальностью. Да, власть у нас бывает порой и «крутая». А где она не «крутая»? Покажите! Да, власть у нас не без коррупции. А что, в любимой либералами Америке её нет? Да там ещё в тысячу раз её больше, чем у нас; оттуда она к нам и пришла во всём своём великолепии. Назовите хоть один пример в современной России, где бы мэр или губернатор смог уничтожить мелкого предпринимателя, как это сделал мэр в данном фильме? Думаю, таких примеров вы не найдёте. Да, бывают стычки,

бывают тяжбы, разборки. Но до такого цинизма, свойственного именно «вашингтонскому обкому», у нас дело всё-таки не доходит. Не надо иллюзий, не надо щедро нагнетать искусственные трудности.

А чего стоит сцена пикника у озера! Это же не люди, а какие-то монстры, способные выпить по ведру водки, а потом стрелять из винтовки или сесть за руль автомобиля. Авторы фильма, да вы соображаете, что показываете? Хотя, конечно, они соображают.

Чтобы я не выглядел таким ретроградом, приведу мнение, одно из многих, протоиерея Георгия Городецкого из г. Одессы на Украине, которая теперь считается за границей и даже пытается разорвать дипломатические отношения с Россией.

«Тогда зачем же вы в самом начале вашей кинохалтуры вешаете эту свою алогичную лапшу на уши зрителя? – отмечал священник в статье «О несовместимости творчества с “Левиафаном”» (РНЛ, Петербург, 01.04.2016). – Которая не имеет ничего общего ни с реальностью, ни с логикой, ни со здравым смыслом, а является лишь следствием режиссёра; его, так сказать, хотелкой. Оно и понятно, без псевдонаучно-фантастического зачала и фильма бы не было. А так высосал режиссёр начало из пальца и пошёл дальше “творить”. Г-н Звягинцев, вы бы хоть у своих западных, особенно голливудских метров поучились. Там всё на несколько порядков умнее».

У меня возникло и полное неприятие так называемой православной составляющей фильма. Где же авторы «откопали» такого правящего архиерея? В реальной жизни, какой бы она ни была сложной и причудливой, подобных пастырей, полагаю, нет. Я лично знаю такой факт. К епископу пришёл депутат с уголовным прошлым, весьма богатый предприниматель, предложил деньги на строительство храма. Да, средства были нужны епархии позарез. И всё же епископ отказался от денег, объяснил депутату: «Нечистые деньги нам не нужны!» Думаю, так же поступил бы и любой другой епископ, потому что он несёт особую ответственность за свои поступки перед Богом.

А в фильме всё наоборот: архиерей принимает от сомнительного мэра подаяние, да ещё наставляет: «Всякая власть от Бога». А что, власть Гитлера тоже была от Бога? А власть большевиков, когда они в 20-е годы прошлого столетия взрывали храмы и убивали священнослужителей, тоже от Бога?

Уж лучше бы авторы фильма не гневил Господа, не искажали Его живое Слово.

И уж совсем ни в какие ворота не лезет сцена, когда городское начальство заполнило весь передний ряд в храме на литургии. Где же вы такое нашли? Зачем притягивать ситуацию за уши? В современной России большинство государственных руководителей, чиновников разных уровней, крупных бизнесменов и прочих начальников не ходит в храмы, не знает церковной жизни, её таинств и обрядов, не знает молитв, не умеет правильно перекреститься. А тут – всем «парадом» в храме! Смех – да и только!

«Сразу оговорюсь, – признавался известный православный поэт, подвижник из скита Ветрово под Псковом, иеромонах Роман, – поганый фильм не смотрел. А зачем? Осквернять слух матом второсортного «канадца», а зрение – блудными картинками? Режиссёр прикрывает библейским Иовом историю о современном Ное-Отечестве и продажном сыне-Хаме. «Ответственность» просто зашкаливает. И всё же? Кто порадуется позору России? Враг. А если он живёт в России? Изменник Родины (или ничего не видящий слепец)».

Я же, повторюсь, посмотрел фильм, и сложилось впечатление, что в нём нет ничего русского. Может, в том и есть его главное «достоинство»? И скорее всего, это «достоинство» оценят весьма и весьма высоко чиновники от культуры у нас в стране и за рубежом.

Столь подробно я рассуждал о фильме неслучайно. На его создание потратили миллионы бюджетных средств. Деньги, собранные с людей, направили на то, чтобы «ударить» по образу жизни этих самых людей, а заодно и опозорить, осмеять православные традиции.

Разве это справедливо?

Почему бы, к слову, не снять фильм о бывшей учительнице Зинаиде Петровне Исправниковой? Она, как я отмечал выше, посвятила «последний отрезок» своей судьбы восстановлению храма в Спас-Нурме. Здесь не надо ничего придумывать, не надо врать, не надо обманывать зрителя. Но я уверен: если бы такой фильм сняли и стали показывать в стране, он вызвал бы радость и сочувствие у миллионов простых людей, зарядил бы их энергией созидания, а не разрушения; кто-то стал бы подражать ей.

Завершить разговор о стремлении современников шествовать «Царским путём» хочу отрывком из послания знаменитого прозаика Ивана Тургенева к знакомой, Елизавете Ламберт. «Имеющий веру, – утверждал писатель, – имеет всё и ничего потерять не может; а кто её не имеет – тот ничего не имеет, – это я чувствую тем глубже, что сам принадлежу к неимущим!»